
Я ВЕРНУСЬ
Анатолий Мерзлов

Анатолий Мерзлов

Я вернусь. Том 2

«Автор»
2026

Мерзлов А. А.

Я вернусь. Том 2 / А. А. Мерзлов — «Автор», 2026

В новых обстоятельствах жизнь Мотьки-Матильды не менее, а временами, более чем полнится чрезвычайностями – не без новых испытаний. Горячие события в стране зеркально отражаются на ее судьбе. Она пытается завоевать расположение коллеги Иннокентия – их отношения в какой-то отрезок времени не смогут стать доверительными. Выражение: золото огнем, а человек войной проверяется, несет в себе неоднозначное толкование – оно коснется Мотьки не окольно. Напоминая о свойстве произведений автора, можно в очередной раз заключить: в них нет вымышленных героев – они среди нас, перед нами реальная жизнь людей, в данном случае, отмеченных поцелуем Бога.

© Мерзлов А. А., 2026
© Автор, 2026

Анатолий Мерзлов
Я вернусь. Том 2

Том 2

Я ВЕРНУСЬ

Писатель Анатолий Мерзлов приглашает вас прожить с его героями жизнь по Сергею Есенину, «подсмотренную ребяческим оком», не лишенную патриотизма, достижений и психологических поисков. Здесь хватит места и для печали, и для радости, как во всякой земной реальности.

Аннотация

В новых обстоятельствах жизнь Мотьки-Матильды не менее, а временами, более чем, полнится чрезвычайностями – не без новых испытаний. Горячие события в стране зеркально отражаются на ее судьбе. Она пытается завоевать расположение коллеги Иннокентия – их отношения, в какой-то отрезок времени, не смогут стать доверительными. Выражение: золото огнем, а человек войной проверяется, несет в себе не однозначное толкование – оно коснется Мотьки не окольно. Напоминая о свойстве произведений писателя Анатолия Мерзлова, можно в очередной раз заключить: в них нет вымышленных героев – они среди нас, перед нами реальная жизнь людей, в данном случае, отмеченных поцелуем Бога.

ЧАСТЬ 1

Любовь к себе – начало смерти.

Л.Н. Толстой

Глава 1

– Дорогие мои, – охватила свой класс ласкающим взглядом Мотьки, классная дама 10-Б класса Матильда Ленкомовна, начиная урок литературы. Она собралась донести ученикам тему, словами не учебного протокольного содержания.

– Глядя на вас с высоты своего «Холма», я невольно перекладываю настоящее, на то время, когда сама находилась в том же прекрасном, противоречивом, ищущем, полном метания, состоянии. И нахожу ваши образы того же свойства, хотя вы и живете в другом информационном поле – его стало значительно больше, и оно гораздо доступнее. Противоречивое время соблазнов испытывает вас на состоятельность. В хаосе возможностей и предложений вам непросто сделать свой исключительный выбор. Наша сегодняшняя тема насколько емка, настолько и интересна. Чтобы ее понять, окунемся в прошлое со Львом Николаевичем Толстым, и начнем с описания салона Анны Павловны Шерер. Только прошлое сможет дать нам понятие сущности настоящего. Лев Николаевич сказал: «Любовь к себе – начало смерти». Любите ближнего, как самого себя.

Учительница Матильда Ленкомовна, своим непотопляемым, как броненосец Аврора, именем, остается в тайниках нашей недоступности той же незадачливой, неприхотливой Мотькой. Условимся сохранять ее изначальное имя в первозданности, пока наша героиня не касается взаимодействия с внешним миром. Сохраним его для вас, как ее внутреннее «Я».

– Анна Павловна Шерер – фрейлина императрицы Марии Фёдоровны и хозяйка модного Петербургского салона. Её определяющая черта – профессиональный энтузиазм, давно ставший общественной ролью, за которой не осталось живого чувства. В романе она открывает действие и воплощает фальшь Высшего света, противопоставленную естественной, подлинной жизни, – так Матильда, не углубляясь в образы, открыла на суд учеников преддверие романа «Война и мир».

Класс затих – даже на галерке прекратилась возня. Матильда понимала:

- Пока не дошло до глубокого внедрения в текст, все находятся под впечатлением ее вступления. Интерес проявится, или не проявится, в зависимости от ее подачи со следующим представлением героев.

Роман тяжеловат в детализации сюжетов, помнила, для нее самой он начинался с усилия над собой. Специально подбиралось время для чтения, когда в затылок не дышало первостепенное насущное. Прочитала его до конца, вникая в детали, и в том, не обремененном состоянии, с большим удовольствием.

Нынешнее время контрастно с тем, толстовским, как белое и черное. В мире стремительного прогресса человек приспосабливается, чтобы познать больше, выхолащивает все новое – если читает что-то, выбор падает на облегченные тексты.

По своему убеждению, Матильда принимала для себя иное:

- В эпоху поверхностных мироощущений, она обязана привить необходимость, как понятие важности толстовских междустрочных тонкостей, обосновывая его пространные детализации.

С этим убеждением Матильда начинала свой самостоятельный урок литературы. Она остановилась, выдержала паузу, обратившись к Сергею Хорунжему – заводиле импровизированной бузы. Парень сидел за последним столом один. Не глупый, начитанный, однако, игнорирующий программных авторов. Насколько Матильда представляла себе живого Льва Николаевича – очень схож с ним манерностью, особенно угрюмостью в лице.

– К тебе, Сережа, вопрос, – обратилась к нему Матильда, поймав взглядом прикрытую рукой его зевоту. Состояние сравнила с лакмусовой бумажкой, пока химическая реакция еще не вступила в полную силу. – Как бы мы поняли тебя, попытавшись в бесстрастности описать твой образ, без предположений о твоем внутреннем мире?

– Классный друг – не подведет никогда, хочешь ему подражать, и вся в том недолга, – выкрикнул с места Сашка Черников, – тут не обязательно толстовское тягомотство.

– Полемика – это всегда хорошо, в споре рождается истина. Я здесь, чтобы научить вас открывать толстовскую глубину. А, уж, как принимать ее в повседневности, и как использовать во благо развития – это, дорогие мои, по обстоятельствам. Главное – уметь разглядеть ее, ту сердцевину, не внедряясь в нее, как Черников, размахом топора. У Толстого каждая фраза – глубокий смысл. Упустив любую описываемую деталь, следующие фразы теряют значимую целостность. Упустим абстрактное мышление. Кого впечатлила характеристика по Черникову? Что вы узнали о Сереже? Правильно: экспромт достаточный для общения накоротке. Для настоящей дружбы этого мало. Толстой требует такого же обстоятельного внедрения в себя, как это делает гусеница плодожорки. В его рассуждениях свет учения, и зовется он житейской философией. Я бы для полноты образа описала Сережу, к примеру, так:

«Юноша, располагающий к себе внешностью, спокойствием, вероятной к тому выдержанностью, не располагает вас с первого взгляда к откровенному общению. Только услышав его голос, вам открывается приятный тембр, с желанием узнать его ответ на риторический вопрос – не важно какой… Его нестандартный ответ, пусть с небольшой выдержкой, принуждает вас обратить внимание на его глаза – они у него серые, затем, на манеру его говорить – он слов на ветер не бросает. Слово для него – клад. С этих самых пор ему хочется подражать, ибо, по ощущениям он значительнее вас – похоже, он может стать вашим другом… Примерно так располагает к глубокому пониманию образа Толстой. Учитесь наполнять свой беш-де-мер, замешанный на улице, который просел гораздо больше известного эллипсиса – приема в литературе, где смысл, от умышленно пропущенных слов, легко раскрывается по мере общения. Вам предстоит большая жизнь, а на хмыках и недомолвках, без тонких познаний, можно наворотить груды ошибок. Со временем они превращаются в личностные препоны. Только преодолеешь одни, как наседают другие. Как при буксовании машины: движения нет, а время уходит. Раз, два - как ты в пожилых. Придет ожесточенность. В процессе ошибок и неудовлетворенно-

стей, она превращается в людские пороки. Ладно, когда это тихий в себе неудачник – чаще он бузотер, потерявший конец ведомой веревочки, ведущей его в мир достаточного удовлетворения. Если он интроверт, тихоня - этот самоед во внутренней борьбе сжигает свои калории без пользы, теряет нервные клетки, делая существование близких ему людей испытанием. Неврозы и одиночество их попутчики.

Зазвенел звонок, но класс не взвился, как обычно, радостью освобождения. Попутных, обычных в этом случае реплик в адрес гвоздя программы Сергея, не прозвучало. Матильда была в ударе. Она первый раз провела урок без Иннокентия, как условились, в его манере.

– А хватит ли меня на другие преодоления поставленной высокой планки? – подумала Матильда и в абсолютной тишине вышла из класса.

Глава 2

Ведомственная комнатка в коммуналке Матильду вполне устроила. На одной с ней кухне обитал другой жилец – молодой мужчина, примерно одного с ней возраста. Соседство ее не восхитило, но, наша система полнится обещаниями: «Будет не комфортно – пожалуетесь, примем меры». Поневоле знакомство с соседом состоялось. Ему двадцать восемь, звать Тимофей, участник СВО, врач – уволен по ранению.

– Врач, значит, как минимум, интеллигент, – подумала Матильда, – по крайней мере, от проявлений улицы застрахована.

Открылись первые знания о нем: внешних признаков инвалидности не наблюдается, работает в поликлинике терапевтом, сухое полуофициальное общение их двоих вполне удовлетворяет. И Матильда смирилась с тем. Писать заявление на несоответствие соседства, как изначально предлагалось, не было оснований.

– Салют, привет, покойной ночи, – нехитрый набор слов их общения.

На кухне Тимофей не зависал. Приготовив что-то нехитрое, уносил с собой в комнату и там трапезничал. По запахам Мотька определяла:

– Сегодня у него пельмени, назавтра у него те же, но поджаренные пельмени, в перечне имелась яичница на сале. Делает зажарку, значит, готовит первое, скорее всего борщ.

– Удивительная для молодого мужчины дисциплина, – заключила из наблюдений Матильда, – спасибо, избавил от хождения с выносом мусора.

Тихо-мирно прошли три месяца. Количество рабочих часов ее особо не напрягало. К часам литературы добавилось классное руководство в 10Б. И с ним оставалось достаточно свободного времени. Ее попытались приобщить к группе продленного дня в младших классах – она отказалась. Денег хватало. Матильда слегка обновила свой гардероб – в наряде появились яркие краски. Свою вспышку к Иннокентию она не раздувала: костер тлел на уровне пересечения в учительской. В ее природе не заложилась, та женская черта, что склоняет к флирту, хотя, и по тем редким репликам в свой адрес, Иннокентий мог уловить утрированное, а все же расположение к себе. С его семейным статусом со временем все открылось. Проживает он в браке с женщиной, старше его на пять лет – матерью троих детей: двоих подростков и малыша. Ситуация складывалась не самым благоприятным для Матильды образом.

Вопреки всему, он продолжал нравиться ей. Близость его к религии, бОльшая, чем существует в обиходе, создавала ему определенный ореол – очень хотелось знать, что послужило тому причиной. В окружающем обществе сложилось, если не правило, то, во всяком случае, эпизодическая самозащита от уязвимостей: кому, как не Богу разрешить груз тяжелых проблем. Иннокентий не повышал голос, не довлел своим мнением. В каких-либо спорах он больше слушал, но, если им произносилась фраза, она звучала последним аккордом, истиной, не требующей доказательств. За ним откровенно ухлестывала ее Сабринка. Без сокрытия, при всех, она льстила, по обстоятельствам ластилась к нему. Нередко в ее изощренной подаче случались грубо завуалированные интимные подробности. Сабрина делала ставку на полигамность противоположного пола.

Могла при нем огладить кошачьей манерностью свою юбку пониже талии, или, случайно не заметив его, поправить чулки повыше, чем принято, сдвинуть бретельку бюстгальтера. Грубо границ она не преступала, лавируя на самой грани. Проходили месяцы – Матильда влилась в коллектив, стала его органической частью. Что-то ее устраивало, что-то нет. Она могла философски подойти к текущим недоразумениям: с кем-то накоротке, с иными в официозе – явных недоброжелателей не плодила. Несмело, их отношения с Иннокентием сдвинулись с точки замерзания: он отвечал на ее учтивость, проявляя к ней несколько повышенную, в сравнении с прочими, благосклонность.

– У него женщина, у которой двое детей, – думала Мотька и на форсирование решиться не могла.

Сострадать Матильда умела, это чувство не было чуждым ей. Робкая попытка к сближению все же состоялась. Они как-то вышли с ним из школы одновременно. Имея определенный задел общения, оба не шарахнулись друг от друга, и какое-то время шли рядом. Матильда решила идти туда же, куда идет он. Иннокентий учтиво – оно не выглядело у него напускным, обращался к ней на «вы». Она соответствовала ему. Дистанция, которой держались они, ею ощущалась, как затяжной прыжок с парашютом: ты планируешь в свободном полете с замиранием дыхания, не думая о вероятности падения. Многим знакомо чувство, когда получив мгновение желаемого удовлетворения, спустя время, хочется вернуть то состояние хотя бы ожиданием. Назавтра Матильда не помнила в деталях, о чем они вели разговор – в том состоянии она не шла, она парила над землей. Говорил больше он. Его пасторский тон и слог усиливали ощущение той невесомости. Подойдя к его дому, он спросил с милой загадкой в голосе:

– А куда вам, сударыня? Вот мой дом, – поклонился он подъезду высотного здания. – На пятом этаже этого современного строения.

Матильда получила то, что изначально ждала. Она узнала, где он живет, пока не зная, зачем ей это. Сама она жила в другом районе, и достаточно далеко от него. Матильда неопределенно махнула рукой:

– Да вот же, пару десятков шагов от вас, – слукавила она, показав рукой в сторону.

– Тогда я откланиваюсь и не провожаю, – ласкающим слух переливом донесся издалека его голос.

Матильда шла к себе и восхищалась точностью известной истины: «Счастье понимают тогда, когда оно от тебя уходит».

Глава 3

Вернувшись домой, уже не Матильда, а Мотька, села на диван, поджала к подбородку ноги, охватив их руками – так она медитировала с детства. В этом состоянии хватало места и для отрешения от повседневности, и для полета в мир прекрасного. Ей предстояла подготовка к завтрашнему уроку в 10Б. Она делал так всегда, но в обуявшем ее состоянии, она не хотела двигаться, словно боясь выпустить из рук что-то теплое и живое. Звякнула входная дверь – вернулся с работы ее сосед Тимофей. Мотьке с возвращением домой, для старта текущих дел, всегда требовалось обязательное промежуточное расслабление. В связи с новым обстоятельством, моцион затягивался. Тимофей же сразу обосновывался на кухне. Она ни о чем его не спрашивала, да и не нуждалась в этом. Дешевые уловки типа: «У вас не найдется соли?» она не признавала. Мотька и по стороннему поведению могла рассказать о свойствах его натуры.

Она с уверенностью заключала, контактируя с ним в одном узком пространстве: Тимофей – не перфекционист – это определенно, его действия не носят болезненный идеализм, повысить оценку «достаточно хорошо», похоже, не его задача. Он опрятен, выглажен, и ест только дома – с работы всегда идет на кухню. Посудой стучит очень редко, как всякий высококультурный человек – старается не воздействовать даже малой агрессией на уши соседки. Вытяжку плиты включать и выключать не забывает. Довольно часто готовит рыбу – при этом, дополнительно

открывает окно. Мотька представила: а обратится ли она к нему, как к врачу, если заболеет? Он станет ее прослушивать?! И тут же ответила себе:

– А ведь к тому нет никаких противопоказаний.

Сосед ее устраивал пока по всем параметрам. Он возился на кухне – в этот раз пахло морепродуктами. Мотька сидела, поджав ноги, переворачивая медленными жерновами мыслей общение с Иннокентием. В себе она звала его упрощенно, как чувствовала – Кешей.

– Легко с ним и воздушно. Он мудрее и значительней меня. Я бы с ним никогда не спорила. Большая преграда – жена, дети. Что с этим поделать?!

Мотька сглотнула слюну от запахов.

– Дождусь его ухода из кухни и что-нибудь соображу сама.

Она перебрала в голове продукты, оставшиеся в холодильнике, досадуя: праздника живота сегодня не получится. От легкого стука в дверь она вздрогнула и подскочила к двери.

– Доброго вечера, соседка. А не разделите со мной мою скромную трапезу?

Глядя на нее извиняющимся взглядом, Тимофей почти умолял:

– Подумал сегодня, в зарплату, а не подкрасить ли мне вечер, не нарушить ли традиционный гризайли стиль своей жизни?! Пришло на ум из юности, когда с пацанами жарили на костре устриц. Помню, по сей день, их особенный вкус. Зашел вот в магазин и купил креветок с гребешками. Отварил, все, как положено, с укропчиком и специальной солью, а, увидев эту груду, сообразил: «Хватанул я количественно». Может быть, то юношеское восприятие вкуса шло от общения? Приглашаю на деликатес. Не откажите!

Мотька почувствовала, что покраснела.

– И чего это вдруг? – подумала она и, в противодействии к себе, не отказалась.

– Я, интуитивно, чищу креветок вот так, – показал он в ловкой манипуляции пальцами, – не знаю, как это делают на высоких встречах. Зовутся креветки королевскими – за размер, наверное. И, действительно, крупные, почти раки.

Мотька улыбнулась его простоте – напряжение незаметно растворялось. Подражая ему, она разделалась с крупной икряной особью.

– Нет, нет, уважаемая, Матильда. Давайте одомашним ваше имя. Вы не против? Да и можно на «ты»?

Мотька, прицелившись еще к одной крупной особи, невольно задержалась.

– В охотку, да с голодухи, их можно съесть мно-ого. Окажется, что и самому останется недостаточно, – засмеялась Мотька. – Под удачное прозвище и того больше.

– Увольте, не прозвище – имя для теплого домашнего обихода, – засмущался Тимофей, – дайте время подумать. Я спущусь вниз и возьму пива… безалкогольного, нулевочку. Сегодня я командую парадом – туда-сюда, успеется подумать.

Мотька осталась одна. Огляделась. Чисто, скромно. Одна единственная фотография: он, с девушкой под пальмой – голова ее склонена к нему. Его вид – беспутно-победоносный. Рассмотрела критично девушку ближе:

– Кра-асивая очень.

Экскурс в мир интересного быстро прервался: всего через несколько минут, он, запыхавшийся, поставил на стол две банки пива, в центр стола водрузил торт. Сладкое Мотька любила с детства и торту вслух обрадовалась.

– Сладкое – моя слабость, – повернула она к себе название на упаковке, – «Птичье молоко» – мне нравится А что подсказала фантазия с именем?

– Имя, имя…Тяжеловато с именем. Остановился на МатИ.

Мотьку сковало воспоминанием. Она нервно усмехнулась. Мати – услышала она свою фантазию из юности.

– Итак, Мати? Выпьем за новообретение, – сказал и разлил по кружкам пенящийся напиток Тимофей.

Глава 4.

В учительской Матильда одновременно с Иннокентием подошла к ячейке с классными журналами.

– Вечер и ночь как-то отразили нашу вчерашнюю полемику? – спросил он тихо. – Признаюсь, думал о вас. Таких слушателей не часто встретишь.

– Под вчерашние морепродукты мне приснились страсти Айвазовского, – пошутила Мотька.

– О, о, знаю, вкусно?!

Мотька хотела развить мысль: дескать, в хорошей компании деликатесы всегда особенные, но пронзительный взгляд Сабрины остановил ее.

– Все познается в сравнении, – ответила на лету Матильда, и их пути разошлись в разные стороны коридора.

Класс встретил ее дружелюбно. К уроку она не подготовилась, успев лишь мысленно, на лету, набросать план общения. Она решила сегодня спонтанно, без предварительной оговорки предложить сочинение, благо, блок русских классиков они завершили. Тема по регламенту ЕГЭ еще предстояла – сегодня у нее созрела идея прочувствовать каждого ученика без шпор и домашних зубрилок.

– Оценка выведется обобщенная, – предупредила она, – здесь откроется ваша способность включать мысль как таковую. Тема: «Русские классики, как зеркало моего «Я».

Мотька вывела тему мелом на доске и поставила жирный восклицательный знак. Раздала по паре листков из своих запасов. Двум ученикам не хватило. Она развела руками, собираясь выйти за ней в учительскую.

– Матильда Ленкомовна,- остановил ее с галерки голос Сергея Хорунжего, – у меня имеется в наличии лишняя тетрадка.

Класс затих в предстартовом состоянии.. Кто-то, собираясь с мыслями, улыбался, со всей очевидностью настраиваясь на откровенность, чьи-то глаза источали растерянность и неведение, кто-то искал ответ за окном.

– Объем не лимитирован, – успокоила Матильда класс, – обозначьте самую суть, пусть даже на одну страничку. Обоснование мыслей - раскрытие их в резюме, оценится высоко. Балл в плюс – за умение привязать познания к практике.

В абсолютной тишине она села за стол, собирая мысли из волнительных особенностей. Как много событий в короткое время! Иннокентий – его румянец, его такт, и ее желание сблизиться, моментами обнять его. Тимофей – его очевидное внутреннее напряжение, его контроль над эмоциями. Из внешних недостатков: едва заметное подергивание щеки. Мотька переключилась на класс.

– Сергей Хорунжий – неспешен, уверенно сосредоточен, очевидно, в стремлении написать немного, без воды – емко. В его характере – сделать лучше всех, без ярких проявлений, в исключении фарса. Отличница Григорьева Галина поджала губы: лицо, мимика - нейтральны. Пишет безостановочно. Хочет обосновать каждое слово теста. Скорее, всего «русского», в привязке к себе из «классики» – разложит аккуратными стопочками по полочкам. Такие труды оцениваются высоко, и в ученых кругах зовутся фундаментальными. Стратегически проигрывает, не учитывая временные ограничения.

Матильда повела глазами на другой фланг, на группу слабаков и прагматиков.

– Мерико Махарадзе. Мама русская, отец – обрусевший грузин. Веселушка с острым умом. Сделает по стандарту, предложенному учителем. Без сомнения – не будущий литератор. От лирики далека – может стать врачом, или… инженером. Хорошие организаторские данные – не зря выбрана старостой. Так-так, от кого ждать сенсации? Скрытый, малоразговорчивый, немного косноязычный – Эдуард Бернадин. Думающий, латентный романтик. Природная стеснительность и тайная влюбленность не дают раскрыться личности. Дорогой мой,

Эдик, читать надо больше, в существе твоем преобладание зрительных ощущений. Мотька была почти уверенна: Эдик тайно воздыхает по яркой красавице Галке Пахомовой, а та предпочитает открытых и мужественных мальчиков. От Бернадина можно ждать сюрприза. От Владимира Шумского, пожалуй, не меньше. Этот белобрысенький субтильный мальчик прикроется в заключение мишурой, и главное откровение бездарно смажется страхом показаться смешным.

Мотька взглянула на часы – в остатке пятнадцать минут, самый апогей страстей. Она вновь вернулась мыслями к себе.

– Почему ей приятен Тимофей, а желания прижаться к нему нет?! Последний вечер многое открыл в нем. Вот и дядька Юрка, мамин толстяк, оказался хорошим мужем. Предприимчив – продукт времени. Освободил маму от беготни, строит коттедж, дал их сыну хороший толчок в образовании. Главное, взялся за себя: похудел, дружит с тренажерами – мама вполне удовлетворена. – Вернулась к Тимофею. – Да тут, Мотечка-Мати все на поверхности. Тебе нужно завоевание, борьба. А то, что само льнет в руки, тебя не впечатляет. Что ценнее: твоя духовность, душа, или Musculus gluteus maximus биологической привязкой к низу спины? Иннокентий против Тимофея… Психология униженного подростка все еще налицо – это мое тавро.

Матильда своевременно взглянула на часы – оставалось две минуты. Бесшумно, не сбивая с толка засидевшихся учеников, концентрирующих последнюю мысль, Мотька прошла по рядам, собрала отложенные в сторону листки. Хорунжий давно упивался созерцанием окружения – Григорьева продолжала строчить. Матильда загордилась знанием, выведенного собой, психологического портрета каждого. Бернадин скромничает, опуская глаза при ее приближении – будет сенсация.

ЧАСТЬ 2

Проверено, мин нет.

Глава 1

В переполненном общественном транспорте, или среди массового скопления праздно гуляющих людей, профессиональный взгляд непременно выхватит пару особенно озадаченных глаз. Внешне безразличная мимика не остановит на себе внимание большинства окружающих, однако, взгляд знатока серого контингента, заставит содрогнуться последнего, сделать маневр для совершения «иллюзиона» классического типа. Так было в средневековье, так будет всегда, пока расплата за содеянное зло, не станет единственной и неизбежной закономерностью. Матушка-природа многогранна: возможности мозга трансформируются в самые неожиданные проявления, используя конечный продукт технического прогресса. Случается знатоку просчитаться, приняв за продукт, суррогат в виде озадаченных глаз. Средневековый мозг через столетия превратился в та-акие генетические хитросплетения... Глаза вора уже не те бегающие исподлобья зрачки – совершенством заражено все. Вор в обиходе может принять обличье обиженного агнца. Актуально, но наш разговор не о мелком, не о том, кто лишает возможности расплатиться при расчете, и, даже, далеко не о том, кто шельмует с финансами по-крупному – истинный вор восседает в отрыве от всего наносного, этот опаснее – он крадет самое святое: веру и надежду. Тем печальнее осознавать: сей мандат дает ему существующий миропорядок, а наш, убогий на сегодня призыв, затеряется «жужжанием» одиночки-пчелы, в набирающем силу негодования рое.

Иннокентий пришел к Тимофею с определенной последовательностью посещений, когда старые долги начинают жечь острой неизбежностью – потребностью платы за добро. Понимание мелочности притязаний на громкую заявку, всякий раз оттягивает визит. Однако, последовательность остается непоколебимым правилом и он, рано или поздно, но всякий раз с благоговением, переступает заветный порог. На очередном этапе обнаруживая одинаково приветливый глубокий взгляд, его – врача и человека, как и всякого альтруиста, лишенного поиска лотереи привилегий.

…Разверзлись хляби небесные. На Смоленщине в эту пору обычно сухо. Природа замирает на перепутье переходного периода. Невыразительное, своей блеклостью небо, на короткое время полуденного солнцестояния, озаряется призрачностью засыпающих красок. Расцвеченные рубином гроздья рябины, обвитые нитями жемчуга паутины, просят иной доли, лучшей, чем унылое повествование их яркой сущности. В это время все еще не верится в торжество грядущей неизбежности. Хочется подойти, прильнуть лицом к пунцовому глянцу и прошептать им ободряющее: «Это временно, осень – пора отдохнуть, а с весной возродиться в обновленной красе». Обычно зеркальные в это время озерца, исказились ненастьем. Суровой свинцовой безысходностью, провожая в дальний путь косяки перелетных птиц. Неровности заплатанного шоссе, следом за маячившим впереди большегрузом, мгновенно заполняются водой, ударяя безжалостной струей в тонкое днище, идущего следом, видавшего виды микроавтобуса.

Водитель за час движения в однообразном режиме расслабился: полулежа, он, казалось, подремывал, тем не менее, без излишней суетливости успевал уходить от коварных выбоин. На сидении сзади уютно расположились парень с девушкой. В первые минуты движения, с напряженным недоверием удивлялись водителю, но со временем успокоились его уникальной способностью: с виду подремывать, мгновением предвосхищая внезапные дорожные коварства. Однокурсники – месяц, как официальные муж и жена, выпускники медицинского ВУЗА, после окончания ординатуры решившиеся на отчаянный шаг: обосноваться не в городе, и не в глухой деревне – в станице южной черноземной полосы. Непогода физической частью скрадывала окрестные пейзажи, другой, эмоциональной, дополняла просторы обострившихся мыслей. Если осеннее ненастье и навевало элементы тоски, отнюдь, не в дополнение к принятому решению.

Вопрос обсудили еще год назад – на этом и порешили. Выходцам из города, им не виделось геройством отдать себя во власть контрастным сельским условиям. Богатая кубанская станица показалась им воплощением прогресса. Солидное жилье, в доме коттеджного типа, могло расположить к работе. Он планировал аспирантуру, она – уютное гнездышко, не менее, как с двумя детьми. Она не успела еще сказать ему о едва зародившейся под сердцем жизни. Шесть лет совместной учебы, казались ей таким пустяком, в сравнении с новообретаемым родством. Мягкая и лиричная от природы, она в общении противилась жестким профессиональным штампам, хотя ее медицинский сленг и изобиловал достаточными неологизмами. Возможно, от своего мечтательного лирического существа, на специализации она отказалась от хирургии. Молодые терапевты стеснялись откровенных чувств на виду, а непроницаемый водитель давал повод расслабиться.

Она пододвинулась к нему вплотную и ущипнула за бок. Он чмокнул ее в близкий к нему вихорок, потом, косясь на зеркало, пониже. Хочется дать возможность читателю самому определиться соответствием понятий. От односторонней связи с ними, автор в ускоренном формате, одушевит их, парня и девушки из Смоленщины. Интрига хороша, когда оставляет возможность расставить предстоящие события в кульминации по своим запросам, на свой манер. В нашем случае происходит распечатка текущих дневниковых записей, с ориентиром на художественное украшение. Мы прослеживаем мгновение жизни молодых людей, проживая вместе с ними их звездный час. Будем знакомы – Тимоша и Светик. За добрый нрав, вкупе с одаренностью, среди друзей у них не было недоброжелателей. Да и часто ли встречается слепое противодействие в студенческой среде?

Просим снисхождения в оценке повествования за имена, прозвучавшие в первозданном от студенческого сообщества виде.

…Под ногами создавали затор несколько сумок с вещами, на сиденьях перед ними пружинили на рытвинах дороги связки книг. Последний год, перед свадьбой, они жили вместе. За короткое время обросли некоторыми бытовыми атрибутами: постельные принадлежности, вазочки, роскошный подарочный чайный сервиз. И это все заслуга Светика – Тимофей состоял

в плеяде, близкой к аскетической. Он не был неряхой – его вышедшие из моды рубашки всегда выглядели идиллически чистыми, но отголоски ушедшего стиля резали глаз. Его подруга, в противопоставление ему, тяготела к новинкам. Сказать, ее мысли до самоотвержения, и в основном заняты детальным соответствием нынешнего веяния моды, мы будем не правы. Все же наука и ее предпочтение стояли на приоритетном месте.

Усердствуя с учебой, она все же не лишена была женской сути. Тимофей, привыкший видеть ее ровной, случалось, «просыпался» от ее «термомоядерной» спеси, начавшей привлекать ловеласов однокурсников. А бесцеремонный кавказский контингент откровенно пялил на нее глаза, не стесняясь в эпитетах в ее адрес, даже в его присутствии. Стервой она никогда не была, никогда не бравировала своими внешними достоинствами. В этих случаях, поблекший на ее фоне Тимофей, становился молчаливее, его, далеко идущие мысли исследователя, материализовались в соблазнительный продукт. Он украдкой, без открытого восхищения, любовался ее ядовито-красной, похожей на взорвавшийся фейерверк прической. Он незаметно отставал, чтобы удивиться своим обладанием именно этой, хорошо сложенной, в облегающей юбочке, ладной фигурке.

Она с легкостью могла завладеть любым из красавцев-однокурсников, но ее выбор оставался непреклонен – она выбрала его, играла воображением, но никогда не предавала. Под воздействием ее слов, а иногда настойчивых усилий, Тимофей совершал подвиг: вытаскивал из слежавшейся стопки, всего пару раз одетую модную рубашку, с неуклюже торчащим жестким воротничком стойкой. Он принимал беспутно-победоносный вид, чем вызывал у Светика прозрачную затаенную улыбку. Тогда смешной и понятный – он не мог быть повесой по сути, облачи его хоть в какие изощренные композиции. Его Главное продолжало жить в лабораторной атмосфере исследователя. Формат их отношений являл собой двух давних, успокоенных своим качеством, супругов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.